

Глаголев С. С. Древо знания и древо жизни: [Вступительные лекции по основному богословию, прочитанные в Московской Духовной Академии 15 и 21 сентября 1915 г.] // Богословский вестник 1916. Т. 2. № 5. С. 57–73 (3-я пагин.). (Окончание.)

Древо знанія и древо жизни *).

(Окончаніе).

Въ школѣ Канта мы не встрѣчаемся съ понятіемъ созерцанія. Въмѣсто созерцанія мы встрѣчаемъ понятіе Anschauung — воззрѣніе, а не созерцаніе, при чемъ въ Anschauung предполагается участіе мышленія. Но въ идеалистической послѣкантиантской философіи мы, хотя и не встрѣчаемся съ словомъ „созерцаніе“, находимъ понятіе созерцанія. Фихте въ своей теоріи пяти міровоззрѣній высшимъ провозглашаетъ то, въ которомъ вѣра смѣняется видѣніемъ. Онъ называетъ это видѣніе знаніемъ, но ясно, что онъ разумѣетъ подъ нимъ религиозное созерцаніе. Изъ религиозной философіи Гегеля можно извлечь, что человѣкъ начинаетъ съ созерцанія и путемъ діалектическаго процесса долженъ окончить имъ. Первая ступень познанія вообще и религиознаго въ частности, по Гегелю, есть чувство (Gefühl); въ чувствѣ, какъ формѣ непосредственнаго знанія, познающій субъектъ и познаваемый объектъ находятся непосредственно одинъ въ другомъ. Въ созерцаніи объектъ и находится въ субъектѣ, они не раздѣлены. То, что я вижу, слышу, обоняю, пребываетъ во мнѣ. Физическія теоріи предлагаемая современною наукою сводятся къ тому, что въ меня проникаютъ какіе то образы или символы вещей, а вещи остаются во внѣ. Эти теоріи разсматриваемыя съ научной точки зрѣнія являются необоснованными, а съ философской точки зрѣнія довольно нелѣпыми. Отъ этихъ образовъ пахиваетъ *évidence* древнихъ философовъ, но древніе богословы, наприм., еги-

*) См. Бог. Вѣст. Мартъ—Апрѣль. 1916 г.

петскіе, равно какъ и современные дикари, принимали, что образъ вещи и вещь не раздѣлимы. Я смотрю на дерево, не образъ дерева, не какая то функція дрожанія эфира воспринимается мною; само дерево, существа котораго я конечно не знаю, дѣйствуетъ во мнѣ. То, чего во мнѣ нѣтъ, мною не воспринимается. На первой ступени развитія человѣкъ и не отдѣляетъ себя отъ того, что видитъ, слышитъ и обоняетъ. Но на этой ступени онъ остается очень недолго. На послѣдующихъ стадіяхъ развитія онъ отвергаетъ тождество свое съ тѣмъ, что познаетъ; субъектъ противопоставляетъ себя объекту. За тезисомъ „я и объектъ—едино“ слѣдуетъ анти-тезисъ: я есмь я, а объектъ есть не—я“. Но на антитезисѣ человѣкъ не долженъ остановиться. Всякій антитезисъ есть только мостъ отъ тезиса къ синтезису. Я, перешедшее черезъ мостъ, предлагаемый антитезисомъ, отвергаетъ себя, какъ нѣчто обособленное, отдѣльное, оно мыслитъ себя пребывающимъ въ абсолютной всеобщности. Поясняя это положеніе, Гегель приводитъ слова Христа: „кто хочетъ душу всю сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ сбережетъ ее“ (Лк. 9, 24). Человѣкъ, утверждающій обособленность и отдѣльность своей души отъ вѣшняго міра, губитъ свою душу, потому что душа не можетъ существовать, какъ нѣчто обособленное. Человѣкъ постигшій, что мы въ Богѣ живемъ и движемся и существуемъ, отвергаетъ активную человѣческую жизнь, какъ противобожественную, и смѣняетъ ее на пассивное созерцаніе божественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ на активное участіе въ этой жизни, въ чемъ и заключается блаженство. Это — синтезъ не Гегеля. Нѣмецкій философъ не остановился на антитезисѣ, онъ въ своей философіи указалъ на то, что считаетъ высшимъ пунктомъ религіознаго развитія. Но здѣсь онъ буквально запутался. Его нельзя здѣсь ни критиковать, ни отвергать, потому что его здѣсь нельзя понять. Онъ говоритъ о различіи точекъ зрѣнія вѣры и невѣрія, не дѣлая хотя бы для себя изъ нихъ выбора, онъ говоритъ и о вѣчной индивидуальности „я“ и объ исчезновеніи его въ абсолютной всеобщности. Чувствуется здѣсь, что Гегель, отдѣлившись отъ вѣры, не сумѣлъ замѣнить ее quasi-знаніемъ, въ которое повѣрилъ бы самъ. Вотъ почему гегельянскаго заключенія и нельзя въ сущности приставлять къ гегельянскому началу.

Поэтому я на мѣсто такого заключенія и поставилъ христіанское представленіе о конечной судьбѣ праведной души.

Такъ представляли себѣ эту судьбу христіанскіе подвижники. Поучительно въ этомъ отношеніи разсужденіе св. Ефрема Сирина о блаженныхъ обителяхъ на слова Господа: „въ домѣ Отца Моего обителей много“ (Іоан. XIV, 2). „Многими обителями у Отца, говоритъ онъ, Спаситель называетъ мѣры разумѣнія водворяемыхъ въ одной странѣ (царствѣ небесномъ), разумѣю же тѣ различія и разности, съ какими наслаждаются тамъ, сообразно съ своимъ разумѣніемъ. Ибо Господь наименовалъ многія обители не по разности мѣстъ, но по степени дарованія. Какъ лучами солнца чувственнаго наслаждается всякій, по мѣрѣ чистоты зрительной силы и впечатлѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника, освѣщающаго одинъ домъ, каждый лучъ бываетъ различенъ, между тѣмъ какъ свѣтъ не дѣлится на многіе свѣтильники: такъ въ будущей вѣкѣ всѣ праведные водворяются нераздѣльно, въ единой радости. Но каждый въ своей мѣрѣ озаряется единымъ мысленнымъ солнцемъ, и по степени достоинства почерпаетъ радость и веселіе, какъ бы въ одномъ воздухѣ и мѣстѣ, сѣдалищѣ, созерцаніи и образѣ. И никто не видитъ мѣры и высшаго, и низшаго, чтобы, смотря на превосходящую благодать другого и на свое лишеніе, не имѣть въ этомъ для себя причины къ скорби и безпокойству. Да не будетъ сего тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни въздыханія, но всякій, по данной ему благодати, въ своей мѣрѣ веселится внутренно, а по внѣшности у всѣхъ одно созерцаніе и одна радость“¹⁾.

¹⁾ Творенія св. *Ефрема Сирина*. Изданіе четвертое. 1897 г. Часть третья 67. „О блаженныхъ обителяхъ“. Совершенно то же разсужденіе мы нашли у другого св. подвижника Исаака Сирина, жившаго двумя столѣтіями послѣ Ефрема. Спаситель многими обителями у Отца называетъ различныя мѣры разумѣнія водворяемыхъ въ оной странѣ, т. е. отличія и разность духовныхъ дарованій, какими наслаждаются по мѣрѣ разумѣнія. Ибо не разность мѣстъ, но степени дарованій назвалъ Онъ многими обителями. Какъ чувственнымъ солнцемъ наслаждается каждый соразмѣрно чистотѣ и пріемлемости силы зрѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника въ одномъ домѣ освѣщеніе бываетъ различно, хотя свѣтъ не дѣлится на многія свѣтенія, такъ въ будущемъ вѣкѣ всѣ праведные нераздѣльно водворяются въ одной странѣ, но каждый въ своей мѣрѣ озаряется однимъ мысленнымъ солнцемъ и по достоинству своему привлекаетъ къ себѣ радость и веселіе, какъ бы изъ одного воздуха, отъ

Схоластическое знаніе должно замѣниться блаженным созерцаемъ. Можетъ быть многіе скажутъ: „какая мистика! какое странное предложеніе любоваться галлюцинаціями вмѣсто того, чтобы посредствомъ знанія избавляться отъ нихъ“. Я не буду спорить о словѣ—должно ли это называть мистикой или какъ-нибудь иначе, но вотъ — я думаю, что можно показать, что само наше знаніе, не смотря на свою слабость и сбивчивость, прозрѣваетъ, что оно упразднится и что его идеальнымъ завершеніемъ должно быть созерцае. Разсуждая о томъ, какъ опредѣляется существующее, мы установили, что оно опредѣляется посредствомъ несуществующаго.

Какъ ни печальна эта истина, она не можетъ повергать въ отчаяніе. Во первыхъ, то обстоятельство, что мышленіе имѣетъ возможность подмѣчать свои дефекты, уже является утѣшительнымъ. Оказывается, мы владемъ не только способностью мыслить, но еще и способностью оцѣнивать эти мысли. Безпристрастный анализъ приводитъ къ заключенію, что цѣнность ихъ очень не высока, но это есть уже великій шагъ по направленію къ истинѣ, если мы болѣе или менѣе правильно оцѣнимъ тѣ средства, которыми мы располагаемъ для того, чтобы овладѣть истиной. Во вторыхъ, дефекты нашихъ пріемовъ мы можемъ не только подмѣчать, но и исправлять. Намѣренно выше былъ приведенъ примѣръ, какъ непрерывный и неподлежащій дѣленію процессъ паденія тѣла дѣлать на моменты, въ которые скорость тѣла предполагается постоянною, чего на самомъ дѣлѣ вѣтъ и быть не можетъ. Но уже со временъ Ньютона и Лейбница въ мате-

одного мѣста, сѣдалища, видѣнія и образа. И никто не видитъ мѣры друга сноего, какъ высшаго, такъ и низшаго, чтобы, если увидить превосходящую благодать друга и свое лишеніе, не было это для него причиною печали и скорби. Да не будетъ сего тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія! Напротивъ того, каждый, по данной ему благодати, веселится внутренно въ своей мѣрѣ. Но зрѣлище, находящееся вѣдъ всѣхъ, есть одно, и мѣсто одно, и кромѣ сихъ двухъ степеней нѣтъ иной посредствующей степени, разумѣю же одну степень горнюю, другую дольнюю, посреди же ихъ разнообразіе въ разности воздаяній. Ясно, что подлинный текстъ одинъ и что или св. Исаакъ заимствовать у св. Ефрема или автора спутали и стали приписывать одинъ и тотъ же текстъ двумъ великимъ сирийскимъ писателямъ. Приведенныя слова *Исаака Сирина* см. въ его твореніяхъ. Изданіе третье Моск. Дух. Академіи. 1911 г. Слово 58, стр. 311.

матикѣ создалась отрасль, которая разсматриваетъ процессы въ ихъ непрерывности, это—дифференціальное исчисленіе. На практикѣ мы конечно не можемъ восходить до дѣйствительно недѣлимыхъ элементовъ, мы доходимъ лишь до произвольно выбранныхъ единицъ, но въ теоріи мы уже можемъ дать формулу для непрерывнаго процесса и произвести учетъ его результатовъ. Можно привести примѣръ этого. Отъ дней древнихъ существовали проценты простые и сложные. Со 100 руб., отданныхъ подъ 4 простыхъ % ежегодно, отдавшій будетъ получать 4 рубля, съ той же суммы, отданной по процентамъ сложнымъ онъ въ первый годъ получитъ тоже 4 рубля, но если онъ не будетъ брать процентовъ, то въ слѣдующій годъ на капиталъ его наростетъ уже не 4 рубля, а $4 + \frac{16}{100}$ въ слѣдующій годъ наростутъ проценты на эти проценты и т. д. Но теперь ставятъ вопросъ о непрерывной рентѣ. Въ приведенномъ примѣрѣ въ теченіе года проценты были простыми, а черезъ годъ черезъ прибавленіе къ капиталу наростихъ процентовъ измѣнялась только сумма капитала, на которую въ слѣдующій годъ шли снова простые проценты. По теоріи непрерывной ренты на проценты съ капитала немедленно должны идти проценты, какъ и на новые проценты. Исчисленіе безконечно малыхъ даетъ возможность разрѣшать подобныя задачи, хотя на первый взглядъ онѣ могутъ показаться парадоксальными. Вѣдь, въ первый же моментъ на 100 рублей приростетъ какой либо процентъ, на этотъ процентъ новый и такъ до безконечности. Для перваго же момента года получится, что на 100 прирастетъ безконечное число процентовъ. Но дисциплинированная мысль уже не боится этой безконечности и говоритъ, что при непрерывной 4% рентѣ со 100 руб. въ годъ получится 4 рубля 8 копѣекъ съ очень маленькой дробью. Въ древности повидимому подобныя вопросы смущали мысль. На это указываетъ классическій парадоксъ, что Ахиллесъ, бѣгущій въ 10 разъ быстрѣе черепахи, никогда не догонитъ черепахи находящейся отъ него въ разстояніи одной сажени. Положимъ, Ахиллесъ, пройдетъ сажень въ 1 секунду при сравнительно для него небыстромъ ходѣ, черепаха тогда пройдетъ $\frac{1}{10}$, когда Ахиллесъ пройдетъ $\frac{1}{10}$, черепаха пройдетъ $\frac{1}{100}$, такъ все-

гда, когда Ахиллесъ подойдетъ къ пункту занимаемому черепахой, она передвинется на нѣкоторое разстояніе далѣе и между ними всегда будетъ оставаться промежутокъ. Математика давно разрѣшила этотъ парадоксъ и даетъ отвѣтъ, что, представляя движеніе Ахиллеса и черепахи непрерывнымъ, какъ движеніе двухъ точекъ, при данныхъ условіяхъ должно признать, что Ахиллесъ догонитъ черепаху въ 1 и $\frac{1}{3}$ секунды. Наше воображеніе какъ и воображеніе первобытныхъ людей, не можетъ представить нулей, безконечностей и ихъ комбинацій. И долгое время мышленіе умозаключало, что существуетъ только одинъ нуль и одна безконечность, но анализъ, производившійся этимъ самымъ мышленіемъ, вскрылъ ошибочность этихъ предположеній. Оказалось, что отъ дѣленія нуля на нуль въ различныхъ случаяхъ могутъ получаться различныя частныя, слѣдовательно нули бываютъ различныя, точно такъ-же тождественныя комбинаціи съ безконечностями даютъ самыя разнообразныя результаты. Дѣленіе и вычитаніе безконечностей одной изъ другой даютъ самыя разнообразныя числа, т. е. величины. А между тѣмъ нуль есть отсутствіе всякой величины, а безконечность есть такое число, больше котораго уже не можетъ быть, или, какъ опредѣляется въ нѣкоторыхъ курсахъ—такое число, которое не измѣняется отъ прибавленія къ нему единицы. Это смѣлое опредѣленіе какъ бы стоитъ въ противорѣчьи съ начальною истиною ариеметики, что всякое число отъ прибавленія единицы измѣняется изъ четнаго въ нечетное или наоборотъ. Но дѣло въ томъ, что безконечность есть нѣчто переходящее за границу системы нашихъ конечныхъ чиселъ. Математика, когда зародилась, представляла собою совокупность схемъ для измѣренія предметовъ и явленій въ мірѣ. Но исторія математики показываетъ, что анализъ и изслѣдованіе этихъ схемъ постоянно выясняли, что выбранныя схемы слишкомъ узки и для той дѣйствительности, съ которой ихъ сняли, и что бытіе не ограничивается этою дѣйствительностью. У многихъ не только профановъ, но даже и математиковъ существуетъ убѣжденіе, что многія математическія выраженія имѣютъ условное значеніе, что отрицательныя величины (меньшія нуля) имѣютъ лишь символическое или условное значеніе, что такое же значеніе имѣютъ величины мнимыя (которымъ не соотвѣтствуетъ никакая реаль-

ность). Но изъ исторіи математики эти люди могли бы узнать, что алгебраисты долго не понимали смысла и отрицательныхъ и мнимыхъ величинъ, съ которыми сталкивались при совершеіи алгебраическихъ операцій, и что только постепенно они выяснили себѣ, что отрицательныя величины обозначаютъ направленія и стороны въ бытіи, на которыя они не обращали вниманія, что изъ комбинацій мнимыхъ величинъ получаются реальности. Точно также геометрической анализъ и изслѣдованіе проблемъ движенія въ механикѣ измѣнили и углубили наше пониманіе пространства. Наши воззрѣнія и представленія остались прежними, многихъ математическихъ выраженій мы не можемъ представить и перевести на языкъ образовъ, не можемъ дать о нихъ понятія въ обычныхъ словахъ. Но за всѣмъ тѣмъ въѣдъ наше человѣческое мышленіе создало эти теоріи, которыя оказываются неизмѣримо выше нашей чувственной природы. Эти теоріи заставляютъ насъ предчувствовать иныбытіе, но мы не можемъ еще его чувствовать. Поскольку физическія и естественно-научныя положенія переводятся на языкъ математики, и тамъ происходитъ смѣна и расширеніе понятій. Неудовлетворительность индійско-греческихъ атомовъ сознава, абстрактность понятія химическаго элемента выяснена, условность классификацій признава. Мышленіе наше двигается на костыляхъ, но оно уже выяснило, что костыли есть нѣчто свидѣтельствующее о болѣзни и что при нормальномъ состояніи ихъ не должно быть, оно постепенно опредѣляетъ свое отношеніе къ этимъ костылямъ и уже создаетъ системы, которыя, правда, тоже поддерживаются костылями, но въ которыхъ значеніе ихъ уже ослаблено. Можно сказать такъ. Познавая дѣйствительность по отдѣльныхъ частямъ и сторонамъ, мышленіе снимаетъ копии съ этихъ частей и сторонъ, и копии эти являются чрезвычайно плохими и представляютъ собою извращеніе дѣйствительности. Но съ одной стороны продолженіе изученія дѣйствительности вноситъ поправки въ копии, съ другой—взаимное сопоставленіе копій тоже выясняетъ дѣйствительность. Наконецъ, нужно имѣть въ виду и то, что какъ ни плоха копія, какъ ни плохъ фотографическій снимокъ, онъ всегда въ рукахъ изслѣдователя, а дѣйствительность схватить можно не всегда, и же

потому копія, искажающая дѣйствительность, можетъ содѣйствовать познанію дѣйствительности.

Въ третьихъ, наше мышленіе возбуждаетъ вѣру въ себя тѣмъ, что, будучи ограниченнымъ и относительнымъ, оно предноситъ себѣ образъ абсолютнаго разума, идеальнаго мышленія. Конечно абсолютный образъ, создаваемый ограниченою мыслию, далекъ отъ совершенства, но ясно, что мысль уже нашла и опредѣлила путь къ совершенству и движется по этому пути. Человѣкъ ограниченъ и физически и духовно. Созерцая какой-нибудь видъ, человѣкъ смотритъ на него съ опредѣленной точки зрѣнія. Линіи, изображающія пути падающихъ звѣздъ въ ночи звѣздныхъ дождей, сходятся въ одной точкѣ. Изъ этого повидимому слѣдуетъ выводъ, что онѣ всѣ выходятъ изъ одного пункта. На самомъ дѣлѣ, изъ этого выходитъ совсѣмъ обратное, именно, что онѣ движутся по параллельнымъ путямъ. Но параллели для нашего глаза кажутся постепенно сближающимися и, наконецъ, сходящимися между собою. Если мы представимъ себѣ длинную аллею деревьевъ, тянущихся съ сѣвера на югъ, и вообразимъ себя стоящими на сѣверѣ, мы должны представить линіи деревьевъ сходящимися на югъ. Если мы станемъ на югъ, деревья покажутся сходящимися на сѣверѣ. Мы знаемъ эти законы точки зрѣнія, законы перспективы, но мы можемъ представить себѣ иное зрѣніе, наполняющее все пространство, видящее все и со всѣхъ сторонъ. Открытія по физикѣ послѣднихъ лѣтъ, утвердившія насъ въ мысли, что не существуетъ непроницаемыхъ преградъ и срединъ, даютъ возможность нашему мышленію допустить возможность зрѣнія проникающаго всюду, т. е. воспринимающаго лучи идущіе отовсюду. Для такого зрѣнія, которое видитъ всюду, не существуетъ точки зрѣнія. Это—со стороны физической. Со стороны психической мы воспринимаемъ то, на что обращаемъ наше вниманіе. Это вниманіе ограничено и узко. Но мы можемъ мыслить абсолютное зрѣніе соединеннымъ съ абсолютнымъ вниманіемъ. Вниманіе одновременно и равно направляется на всѣ объекты. Въдѣ широта вниманія можетъ быть различной, и мы можемъ представить себѣ вниманіе безконечное. Собственно говоря и на человѣка постоянно воздѣйствуетъ вся вселенная, даже и телескопиче-

скія звѣзды, но человѣкъ не ощущаетъ этого воздѣйствія, онъ чувствуетъ и познаетъ лишь ближайшіе предметы и существа. Но для абсолютнаго вниманія нѣтъ болѣе сильныхъ и слабыхъ воздѣйствій, оно воспринимаетъ воздѣйствіе, каково оно есть само въ себѣ. Оно все познаетъ одинаково и все познаетъ совершенно.

Французское и англійское notion разумѣютъ только, что извѣстны характерные признаки предмета, русское понятие, нѣмецкое Begriff, латинское conceptus обозначаютъ въ идеальнѣ абсолютное владѣніе чѣмъ-либо. Нельзя владѣть тѣмъ, чего не знаешь, и нельзя знать того, чѣмъ не владѣешь. Но владѣть значитъ схватить, охватить, значитъ проникнуть въ глубь предмета, поскольку въ немъ существуетъ глубь. Такое проникновеніе въ предметъ даетъ дѣйствительное знаніе предмета, знаніе идеальное. Здѣсь нѣтъ нужды ни въ словахъ, ни въ образахъ, ни въ символахъ, ни тѣмъ болѣе въ классификаціяхъ и приложеніи къ познанному объекту сказуемыхъ въ видѣ общихъ понятій, познаніе здѣсь есть созерцаніе дѣйствительности. Нельзя даже говорить, что познаваемое отражается въ познающемъ какъ въ идеальномъ зеркалѣ, нѣтъ, и идеальное отраженіе, какъ говорили мы, извращаетъ образъ ибо даетъ симметрическое дополненіе предмета, но не воспроизводитъ предмета. Нѣтъ, при идеальномъ познаніи познаваемое, такъ сказать, пребываетъ въ познающемъ, и познающій разумъ проникаетъ его всецѣло до самыхъ сокровенныхъ глубинъ.

Какъ съ точки зрѣнія физической познаваемое должно пребывать въ познающемъ, чтобы быть идеально познаннымъ имъ, такъ это справедливо и по отношенію къ міру психическому. Чужія душевныя состоянія должны пребывать въ познающемъ духѣ, онъ не солидаренъ съ ними, они не его душевныя состоянія, но они испытываются и переживаются имъ. „У меня болитъ твоя грудь“, писала одна мать больной дочери. Мать чувствовала боль испытываемую дочерью, но у матери грудь не болѣла. Даже человѣчeskій духъ можетъ расширяться и въ нѣкоторомъ смыслѣ воспринимать въ себя другія души и чужія душевныя состоянія всѣхъ, имѣя свое собственное абсолютно отличное отъ нихъ духовное содержаніе.

Міръ есть совокупность процессовъ. Въ мірѣ нѣтъ ничего

неподвижнаго, нѣтъ предметовъ, существуютъ явленія. Всякій процессъ стоитъ въ связи со всѣмъ тѣмъ, что происходитъ во всей вселенной. Для насъ въ большинствѣ случаевъ эта связь неувидима. Появленіе кометы Галлея въ созвѣздіи близнецовъ, отмѣченное на кенигштульской обсерваторіи 29 августа 1909 года, представляется намъ не имѣющимъ отношенія къ землѣ, но несомнѣнно, какъ ни мала матерія кометы, она вліяетъ на землю, поэтому абсолютное познаніе познающее безъ сравненій, знаетъ это вліяніе такъ же, какъ и воздѣйствіе солнца на землю. Все сосуществующее во вселенной связано между собою, но познать явленіе значить познать его во всѣхъ связяхъ, отсюда Абсолютный разумъ представляетъ совмѣстно и постоянно все бытіе. Все бытіе находится въ немъ. Затѣмъ всякій процессъ есть продолженіе прошедшаго и имѣетъ развиваться въ будущемъ. Знаніе факта есть знаніе его происхожденія и его послѣдствій. Абсолютное знаніе есть представленіе настоящихъ процессовъ въ связи со всѣми имъ предшествовавшими и ихъ обуславливающими и представленіе всѣхъ послѣдствій имѣющихъ до конца времени произойти изъ данныхъ. Абсолютный Разумъ все это представляетъ совмѣстно; прошедшее, настоящее и будущее для него нераздѣльны, не существуетъ для него и пространственныхъ раздѣленій. Отсюда можно сказать, что для Абсолютнаго Разума не существуетъ ни пространства, ни времени. И въ сущности по мѣрѣ того, какъ человѣческая мысль движется впередъ, такое внѣпространственное и внѣвременное міропредставленіе является для него болѣе понятнымъ и болѣе удовлетворяющимъ его идеальнымъ требованіямъ. Что такое настоящее? Вѣдь, это только не имѣющая продолжительности грань, отдѣляющая прошедшее, отъ будущаго. Но прошедшаго *уже* не существуетъ, будущаго *еще* не существуетъ, продолжительность настоящаго оказывается равною нулю; что же существуетъ? Подсказывается отвѣтъ: ничего. Отвѣтъ, несостоятельность котораго мы отлично сознаемъ. И вотъ, на мѣсто этого отвѣта выдвигается другой, что дѣйствительно существуетъ все то, что было, есть и будетъ. У насъ нѣтъ абсолютныхъ единицъ пространства и времени, мы только сравниваемъ различныя протяженія и продолжительности и сравниваемъ ихъ въ сущности при помощи косвенныхъ методовъ. Абсо-

лютный Разумъ воспринимаетъ бытіе, какъ оно существуетъ, для него и не можетъ быть нужды въ такихъ фикціяхъ, какъ числа, какъ вся система алгебраическихъ и геометрическихъ знаковъ. Но это и суть системы измѣренія пространства и времени, для Абсолютнаго Разума онѣ не требуются. Только вмѣстѣ со всѣми міровыми явленіями онѣ созерцаютъ ихъ и имѣютъ въ себѣ, какъ продукты человѣческаго творчества.

Познаніе абсолютное или познаніе абсолютнаго Разума недоступно намъ. Но свв. подвижники указываютъ намъ, что между абсолютнымъ познаніемъ и нашимъ обычнымъ познаніемъ существуютъ безчисленныя градаціи различныхъ ступеней созерцанія. Я знаю, что многіе скажутъ, что между безконечнымъ и конечнымъ или абсолютнымъ и относительнымъ не можетъ быть градацій, что всѣ эти градаціи лежатъ на самомъ дѣлѣ въ сферѣ конечнаго и относительнаго и между ними и абсолютнымъ по прежнему зіяетъ безконечность. Разсуждающіе такъ на самомъ дѣлѣ не даютъ себѣ отчета въ томъ, что такое безконечное и конечное. Одно и тоже можетъ быть безконечнымъ и конечнымъ, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія мы будемъ его разсматривать. Всякая линія безконечна по отношенію къ точкѣ и всякая плоскость безконечна по отношенію къ прямой линіи, но линія и плоскость не только не безконечны сами въ себѣ, но даже и не существуютъ внѣ конечныхъ вещей. Этого мало. Между конечнымъ и безконечнымъ открывается связь. Движеніемъ точки образуется линія, движеніемъ линіи создается поверхность. То, что связываетъ линію и плоскость, совершенно непохоже ни на линію, ни на плоскость. Намъ и не нужно этого. Намъ нуженъ только фактъ связи между конечнымъ и безконечнымъ для того, чтобы отвергнуть существованіе между ними непреходимой бездны. Приведенные примѣры нѣкоторымъ могутъ показаться неясными. Но можетъ быть то, о чемъ у насъ собственно идетъ рѣчь—созерцаніе выяснитъ намъ фактъ проще и яснѣе. Съ одной стороны мы имѣемъ логическое познаніе, познаніе, такъ сказать, условное, символическое, съ другой—мы предполагаемъ познаніе абсолютное, адекватное бытію. Созерцаніе является ни тѣмъ и ни другимъ. Съ одной стороны какъ непосредственное воспріятіе бытія, оно какъ бы приближается

къ познанію божественному, съ другой какъ воспріятіе несовершенное, воспріятіе только кое-чего въ предметъ, а не всего предмета оно приближается къ познанію посредствомъ понятій всегда только кое-что отличающихъ въ предметъ. Схоластическое познаніе, указывая намъ идеаль въ созерцаніи, вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ намъ и то, какъ созерцаніе отстываетъ отъ этого идеала. Подвижники часто говорятъ намъ о солнечномъ лучѣ. Посмотрите на радугу. Это—солнечный лучъ разложенный на цвѣта, изъ которыхъ онъ составленъ. Созерцая радугу, любуясь ею, мы испытываемъ удовольствіе. Но знаніе говоритъ намъ, что цвѣта радуги далеко не весь солнечный лучъ, есть лучи инфракрасные и ультрафіолетовые, они невидимы и не могутъ быть видимы нами, а то, что мы видимъ, есть лишь незначительная часть солнечныхъ лучей. Есть много цвѣтовъ, которые недоступны нашему зрѣнію. Тоже самое должно сказать и о звукахъ. Звуки, производимые колебаніями болѣе, чѣмъ 40000 въ секунду, не воспринимаются человѣческимъ ухомъ. Можетъ быть движеніе небесныхъ сферъ дѣйствительно даетъ волшебную музыку, какъ это предположилъ Пифагоръ, но тона этой музыки такъ высоки, что мы не можемъ воспринимать ихъ и наслаждаться ими. Можетъ быть имѣется въ мірѣ много существъ, зрѣніе которыхъ видитъ ультрафіолетовые лучи и слухъ которыхъ охватываетъ десятки октавъ, ихъ созерцаніе неизмѣримо выше нашего, но и оно есть совсѣмъ не то, что божественное всевѣдѣніе.

Мистики терминъ „созерцаніе“ прилагали лишь къ Боже-ству. Школа Сен-Виктора въ Парижѣ учила о трехъ органахъ познанія: *Oculus carnis* — плотскій глазъ (вообще тѣлесныя чувства), которымъ познается вещественное, *oculus rationis*—глазъ разума, органъ самопознанія и наконецъ *oculus contemplationis* — органъ богопознанія. Но повидимому созерцаніе есть прежде всего воспріятіе вещественнаго и затѣмъ представляется вопросомъ — возможно ли созерцать не-вещественное? Якоби сказалъ, что мы видимъ Бога хотя и нетѣлесными очами. Что же значить это? Мы говоримъ, что въ понятіи созерцанія не заключается непременно мысль о зрѣніи; воспріятіе слухомъ, обоняніемъ также будетъ созерцаніемъ, но Якоби хочетъ сказать, что кромѣ тѣлесныхъ органовъ у насъ еще есть органъ духовнаго воспріятія, и

если на него воздѣйствуетъ Божество, то человекъ созерцаетъ Бога. Однако правдивость обязываетъ насъ сказать, что Бога мы не созерцаемъ. Мы созерцаемъ солнце, луну, звѣзды, но Богъ обычно является для насъ схоластическимъ понятіемъ и его основной предикатъ абсолютность какъ бы исключаетъ мысль о созерцаніи.

Что же: нельзя созерцать Бога или мы не созерцаемъ Его по какимъ-либо особеннымъ причинамъ? Не чувствуете ли вы, что мы опять подходимъ къ древу знанія. Знаніе составило понятіе Бога и это понятіе, какъ и все, оно лишило жизни. У магометанъ каждая сура корана начинается словами „во имя Бога милостиваго и милосердаго“. Такимъ считаемъ Бога и мы христіане. Но намъ говорятъ: развѣ абсолютному можно приписывать признакъ милосердія? Вѣдь, милосердіе есть состраданіе, а состраданіе есть страданіе. Въ абсолютномъ свѣтѣ не можетъ быть тѣней и въ абсолютно-блаженномъ нѣтъ мѣста страданію. Мы называемъ Бога Отцомъ, но развѣ можно въ абсолютномъ мыслить отеческія чувства? Вѣдь, отеческія чувства, это—эгоистическія чувства и развѣ можно уподоблять наши отношенія къ абсолютному отношенію сыновей къ отцу! Такъ, знаніе лишаетъ насъ живого Бога и взамѣнъ Его даетъ намъ безжизненное и ни на что ненужное понятіе абсолютнаго.

Умъ не можетъ намъ дать Бога, Котораго ищемъ сердце. Но умъ, если онъ дѣйствительно умъ, долженъ понять, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ долженъ ступовываться и уступать мѣсто иному руководству или иному органу познанія. Если въ незнакомой и опасной мѣстности, положимъ—въ горахъ, вы возьмете проводника извѣстнаго опытомъ и честностью, и вашъ разумъ начнетъ подсказывать вамъ, что лучше было бы идти иначе, чѣмъ ведетъ онъ, то пожалуй, самое лучшее въ концѣ концовъ если вашъ разумъ откажется отъ своихъ правъ пониманія и всецѣло довѣрится проводнику. Точно также въ вашихъ отношеніяхъ къ ближнимъ разумъ часто долженъ отказываться отъ претензій на руководство и уступать мѣсто руководству совѣсти, законности требованій которой онъ никогда не сумѣетъ доказать. Представьте на минуту, что вы въ вашихъ отношеніяхъ къ товарищамъ рѣшили бы хотя на одинъ день руководствоваться однимъ разумомъ. Къ вамъ подходитъ товарищъ, ко-

терый вчера вечеромъ пустилъ по вашему адресу нѣсколько остротъ, оставившихъ по себѣ у васъ очень непріятное воспоминаніе. Какъ должны поступить вы? Протянуть товарищу руку или дать ему пощечину? Что можетъ сказать вамъ разумъ и изъ какого принципа будетъ исходить онъ, давая отвѣтъ? Изъ принципа выгоды? Въ концѣ концовъ, скажу вамъ, этотъ принципъ невыгоденъ: отъ людей руководящихся исключительно имъ отвертываются. Изъ нравственнаго принципа, предлагающаго простить? Но подчиненіе этому принципу есть въ сущности отреченіе отъ разума, потому что представляетъ собою подчиненіе разума непонятному ему началу.

Обратимся къ тому, что умъ говорить о Богѣ. Не будемъ спрашивать египетскихъ или индусскихъ богослововъ. Обратимся къ твореніямъ всегда пользовавшимся большимъ уваженіемъ въ православной церкви и связываемыхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита. Авторъ сочиненій объ именахъ Божіихъ, о небесной іерархіи, о мистическомъ богословіи разсуждаетъ такъ: всякая мысль бытіе имѣетъ и своимъ предметомъ и своимъ предѣломъ, она не можетъ постигать то, что выше бытія. Богъ не постижимъ, не уразумѣваемъ, неизъяснимъ; Онъ превышаетъ всякаго бытія и всякой жизни; никакой свѣтъ, никакое слово, никакая мысль не можетъ опредѣлить его природы. Онъ не есть никакое бытіе и не можетъ быть познанъ никакимъ бытіемъ. Все возвѣщаетъ о Немъ, не допуская познавать Его непосредственно. Все говоритъ о Немъ, ничто не говоритъ хорошо, Его знаютъ вмѣстѣ и знаніемъ и незнаніемъ. Его постигаютъ, Его опредѣляютъ, Его называютъ, и однако Онъ не можетъ быть постигнутъ, опредѣленъ, названъ. Вѣдь, по обманчивой аналогіи ему приписываютъ атрибуты существъ, для которыхъ Онъ есть принципъ. Онъ несть ни душа, ни разумъ, ни Слово, ни духъ, Онъ не есть ни воображеніе, ни мышленіе, ни слышаніе. Число, рядъ, величіе и малость, равенство или неравенство, подобіе или различіе, покой или движеніе, время или вѣчность, равно не соотвѣтствуютъ Его природѣ. Онъ не есть ни могущество, ни жизнь, ни свѣтъ, ни бытіе, Онъ не есть, строго говоря, ни единство, ни божество, ни благо. (Ὁὐδὲ ἐν, οὐδὲ ἐνόητος, οὐδὲ θεός, ἢ ἀγαθός) ¹⁾. Что можно

¹⁾ De nomin. divin. I, 4. De coelest. hierarch. II. Theolog. myst. V, 1.

извлечь изъ этихъ разсужденій о Божествѣ? Ничего, если остановиться на томъ, что говорить умъ. Очень многое, если прислушаться къ тому, что умъ подсказываетъ. Какъ бы умъ ни поднималъ Бога не только надъ міромъ, но даже надъ бытіемъ, онъ не можетъ оторвать міра отъ Бога. Если міръ существуетъ внѣ Бога и внѣ связи съ Богомъ, то Богъ уже не есть ни бытіе, ни небытіе, Онъ есть небытіе, потому что то, что не имѣетъ связи съ нами, для насъ не существуетъ, и не можетъ быть предметомъ никакихъ, даже самыхъ неопредѣленныхъ разсужденій. Но никакой разумъ никогда не могъ изъять міра изъ подчиненія началу всѣхъ началъ, хотя бы даже подъ этимъ началомъ онъ мыслить матерію. Высшее начало дѣйствуетъ на міръ, слѣдовательно дѣйствуетъ на человѣка. Воспріятіе дѣйствія объекта есть воспріятіе объекта. Не осложненное логическимъ анализомъ, оно будетъ созерцаемъ.

Но имѣетъ ли мѣсто въ дѣйствительности такое созерцаніе? Въ теченіе тысячелѣтій человѣкъ смотрѣлъ на небо и не видалъ тѣхъ звѣздъ, которыя созерцаетъ теперь въ телескопѣ. Въ теченіе десятилѣтій многіе любовались небомъ, но потомъ зрѣніе ихъ потухало, и созерцаніе неба становилось для нихъ невозможнымъ. Если рукою можно закрыть человѣку глаза и онъ не увидитъ того, кто стоитъ передъ нимъ, то не закрыло ли что-нибудь въ родѣ руки—можетъ быть вѣтви древа познанія. — Бога отъ человѣка? Вѣдь, во имя знанія отрицаютъ бытіе Бога. Намъ приводятъ слова астронома: „я осмотрѣлъ въ телескопъ все небо и нигдѣ не видалъ Бога“. Мы знаемъ, что это—хлестаковщина, потому что ни одинъ астрономъ не могъ втеченіе всей своей жизни осмотрѣть въ телескопъ все небо. Но вѣдь изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что этотъ человѣкъ не нашелъ Бога и въ своемъ сердцѣ, и мы знаемъ, что этихъ людей не мало. Что дѣлать? и слѣпыхъ на землѣ не мало. Евангеліе учитъ, что чистые сердцемъ узрятъ Бога. Чистота сердца поставляется условіемъ для созерцанія Божества. Сердце облеченное нравственнымъ катарактомъ не можетъ воспринимать воздѣйствія Божества.

Но, господа, мы съ вами — въ аудиторіи, а не въ храмѣ. Намъ прежде всего и главнымъ образомъ придется считаться съ умомъ и познаніемъ, а не съ сердцемъ. Если вкушеніе

плодовъ отъ древа знанія разобщило насъ съ истиной, т. е. зачѣмъ мы снова протягиваемъ къ нему руки? Я хотѣлъ бы надѣяться, что въ томъ, что я говорилъ раньше, слушавшіе уже нашли отвѣтъ на вопросъ. Первымъ людямъ подсказалъ дьяволъ, что, владѣя знаніемъ, они не будутъ имѣть нужды въ Богѣ. Первые люди повѣрили этому и этимъ обуславливается то, что „рыданіе, жалость и горе“ наполняютъ мировую исторію. И что особенно странно, люди послѣдующихъ эпохъ и настоящаго времени не перестали вѣрить во всемогущество человѣческаго знанія. Повидимому все опровергаетъ эту наивную и самодовольную вѣру, ну хотя бы даже то, что человѣчество придумало множество способовъ и средствъ убивать и не нашло средствъ для того, чтобы вырастить на головѣ хотя одинъ волосъ. Рекламы „нѣтъ болѣе лысыхъ“ также лживы, какъ нелѣпы надежды, что не будетъ болѣе войнъ и убійствъ. Древо знанія — не древо жизни. Оно порою бывало и бываетъ деревомъ смерти. Первые люди умерли, вкусивъ отъ его плодовъ, потому что ихъ незрѣлый умъ не могъ ихъ переварить. На мѣсто райскаго стало древо человѣческаго знанія. Но это древо угощаетъ насъ незрѣлыми плодами, поэтому неосторожные умы, пытаясь питаться этими плодами, погибаютъ... погибаютъ для истины.

Въ предыдущемъ разсужденіи я пытался раскрыть, что самъ умъ выясняетъ свою недостаточность для верховнаго руководства жизни. Само человѣческое знаніе выясняетъ, что оно недостаточно для человѣческой жизни. И уже поэтому нужно овладѣть этимъ знаніемъ. Нужно узнать науку для того, чтобы не вѣрить въ нее. Не нужно довѣрять научнымъ выводамъ, но нужно изслѣдовать ихъ основанія. Нашу школу многіе трактуютъ свысока, какъ школу вѣры, а не школу знанія. Напрасно! Наша школа не претендуетъ на то, что она даетъ или можетъ дать вѣру: наша школа только предполагаетъ, что въ ней собираются люди во имя вѣры. Въ нее приходятъ и просто вѣрующіе и люди неудовлетворенные знаніемъ, всѣмъ наша школа повторяетъ слова Христа: „изслѣдуйте писаніе“, „познаете истину, а истина сдѣлаетъ васъ свободными“.

Наша школа отвергаетъ только ту точку зрѣнія, на которую стали первые люди и которая ихъ погубила, что знаніе достаточно для жизни; наша школа учитъ, что знаніе можетъ

указать только путь къ жизни. Знаніе не дастъ вѣры, но оно можетъ возбудить желаніе вѣры; знаніе не дастъ добродѣтели, но оно можетъ утвердить въ мысли, что лучше быть добродѣтельнымъ, чѣмъ порочнымъ. Знаніе не даетъ любви, но оно можетъ выяснитъ, что счастье — въ любви. Знаніе въ концѣ концовъ можетъ выяснитъ свою недостаточность и то, что есть нѣчто высшее, что его можетъ упразднить и что этого высшаго нужно искать какъ „единого на потребу“, какъ драгоценной жемчужины, ради пріобрѣтенія которой купецъ продалъ все, что имѣлъ.

Знаніе—не цѣль, но знаніе—средство для высшей цѣли. Во имя этого будемъ стремиться къ знанію. Въ этомъ году двери храмовъ знанія широко раскрылись въ Россіи. Вступившая въ нихъ молодежь усиленнымъ и плодотворнымъ занятіями должна доказать, что эти двери и впредь всегда должны быть также широко открыты. Иначе случится, что эти двери закроются снова, какъ нѣкогда по Евангелію закрылись двери предъ пятью дѣвами, не запасшимися своевременно масломъ.

С. Глаголевъ.
